

Смешно ли это?

Режиссер, как и автор, вероятно, решил, что главная задача — как можно сильнее рассмешить

Свои гастрели в Архангельский Государственный театр музыкальной комедии Латвийской ССР закончил показом новой работы — премьерой «Мост неизвестен» (музыка Е. Жарковского, пьеса Е. Гальпериной). Взяв в руки программу, зритель с нетерпением ожидал начала: в спектакле заняты почти все ведущие артисты театра, которых мы уже успели полюбить, — Л. Киселева, Л. Мабо, З. Борисова, А. Анненкова, М. Рубене, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР В. Гофрат, заслуженный артист Латвийской ССР Е. Кушнир, В. Рушко, А. Озеров, П. Гридасов, А. Керта, Г. Шипулин... От такого состава можно многого ожидать. Тем горше было разочарование после спектакля.

Казалось бы, пьеса написана на интересную, нужную тему — дружба и взаимовыручка советских людей, невозможность одиночества в нашей стране. Но как эта тема решена? Стремись во что бы то ни стало рассмешить зрителей, автор оглушает своих героев, ставит их в самые невероятные положения, не оправданные даже для оперетты.

Интрига пьесы построена на чрезвычайно шаткой основе. В портфель студента Родиона Голубкова случайно попадает страничка из роли молодой артистки Нины Чибисовой. Уже для того, чтобы поместить эту страничку в чужой портфель, автору пришлось сделать Родиона невероятно рассеянным, до глупости отвлеченным от мира сего человеком. Потерянный Родионом портфель попадает в бюро находок. Здесь почему-то решают поинтересоваться его содержанием, причем делают это не только сотрудники бюро, но и совершенно посторонние люди. Обнаружив записку, в которой девушка сообщает о своем решении броситься с моста в воду, все на-

чинают поиски виновника трагедии. Ну, и как положено в музыкальной комедии, пьеса завершается благополучно.

Многому в спектакле не веришь, многое вызывает недоумение. Почему студент юридического института Юрий Брыкин ведет себя как детектив из пародии? Почему работники загса Любимов и Крякова выглядят, мягко выражаясь, не совсем нормальными людьми? Почему герой пьесы, создатель счетно-электронной машины, пытается (хотя это совершенно неправдоподобно) узнать от машины, с какого моста будет топиться девушка? Почему, наконец, автор оперирует такими названиями, как «Цуцик» (наименование учреждения), «Фифа» (электронная машина)? Список несообразностей, вызывающих недоумение зрителей, можно и продолжить.

Мало радует и музыка, написанная Е. Жарковским.

Можно только удивляться, что коллектив высокой культуры, каким показал себя Государственный театр музыкальной комедии Латвийской ССР, принял к постановке это произведение. Причем, не только принял, но и выпятил его недостатки. Начинается это уже с декоративного оформления. В помещении загса почему-то висят ужасная копия известной картины Пукирева «Неравный брак», в углу — уродливая статуя жирного амура. Вход в загс выполнен в виде сердца, люстра — тоже из маленьких лампочек-сердечек. Футуристически оформлены сцены в бюро находок и в лаборатории, где помещается «Фифа».

Видимо, с благословения режиссера артистка З. Борисова в сцене опьянения Кряковой переходит границы эстетически допустимого.

И в достижении этой цели он не пренебрегает никакими средствами. Чего стоит, например, чисто цирковая пошечина в последнем действии!.. А ведь музыкальная комедия — не буффонадная клоунада. Ничем не оправдано и разведение режиссера Черепяхина в пятой картине.

Несмотря на большие недостатки пьесы, театр имел возможность сгладить их. Это, к сожалению, не сделано.

Хорошо, когда зритель, сидя в театре, улыбается, смеется. Наш народ любит веселую шутку, полноценный юмор, он не прочь посмеяться над еще не изжитыми недостатками. Но плохо, когда смех вызван, фигурально выражаясь, «методом цекотки».

Жаль, что в последнем спектакле рижанам изменило чувство меры, чувство хорошего вкуса.

**А. ЕЛАНСКИЙ.
И. ЛЕОНИДОВ.**